

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

УДК 304.2

Гуманизация, или технологии «мягкой власти» в городском пространстве: семиотика лофта

А. П. Артеменко, Я. И. Артеменко

Харьковская государственная академия культуры,
Украина, 61057, Харьков, Бурсацкий спуск, 4
Национальный фармацевтический университет,
Украина, 61002, Харьков, ул. Пушкинская, 53

Для цитирования: Артеменко А. П., Артеменко Я. И. Гуманизация, или технологии «мягкой власти» в городском пространстве: семиотика лофта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 319–331. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.304>

Предмет статьи — исследование архитектурно-дизайнерского стиля лофт как приема преобразования городского пространства. Данный стиль анализируется с точки зрения концепции производства пространства как механизм осуществления мягкой власти и социальной коррекции городского сообщества. Прослеживается эволюция стиля от вынужденной реакции на деиндустриализацию городского пространства до создания сложной семиотической модели городской культуры. Лофт-дизайн отражает процесс рекомбинации символов гуманизованного пространства. Комплекс зданий галереи Тейт Модерн (Лондон) представлен в качестве примера лофт-объекта. Перестроенное здание Bankside Power Station включает в себе определенный пространственный код, базирующийся на культурных конвенциях эпохи модерна. Этот лофт-объект демонстрирует временные наслоения значений и эстетических предпочтений. Пространство города имеет практическое, функциональное и коммерческое значения, сформированные культурой массового потребления. Лофт-дизайн — это вариант решения проблем дегуманизации урбанистической среды и образцового города Ж. Бодрийера, создающего пустыню вокруг себя. С одной стороны, лофт становится эстетическим проявлением идеи исторической памяти архитектурного объекта. Но с другой — история лофт-стиля демонстрирует превращение сферы культуры в ключевой бизнес, реструктурирующий физическое, экономическое и социальное пространства современного города.

Ключевые слова: лофт, семиотика, урбанистическое пространство, деиндустриализованный город, гуманизация городского пространства, мягкая власть.

Введение

Стиль лофт сегодня достаточно популярен на рынке дизайнерских услуг, но мы не встретим его комплексного культурологического и тем более социологического анализа. Чаще всего лофт воспринимается как узкое явление современной культуры, интересное дизайнерам, архитекторам и урбанистам. Ограниченные дисциплинарными интересами, специалисты могут открыть важные нюансы создания, восприятия, влияния лофта на урбанистические процессы, но общекультурное значение этого явления остается нераскрытым. Проведение исследования такого явления, как лофт, возможно за рамками того, что Дж.Элкинс назвал «чистым предметным полем» истории искусства, архитектуры, дизайна [1, с. 251]. Перспектива проведения широкомасштабного социокультурного изучения феномена лофта достаточно актуальна, поскольку это позволяет вскрыть целый пласт социальных практик, механизмы формирования культурных предпочтений и ценностей, становление и кризис мировоззренческой системы постиндустриального общества.

Безусловно, столь обширные задачи нельзя решить в рамках одной работы. Цель данной статьи — исследовать архитектурно-дизайнерский стиль лофт как прием преобразования деиндустриализированного урбанистического пространства. Мы постараемся проследить, как лофт-дизайн городских объектов приводит к изменению образа жизни, повседневных практик, социальных и экономических структур постиндустриального города. В свою очередь, это позволит увидеть, как пространства разной природы и этимологии многократно наслаиваются, формируя особую архитектуру современного города.

Анализ методов лофт-дизайна открывает нам особенности процесса, как организованное физическими объектами (вещами) городское пространство «обрастает значениями», которые со временем диктуют логику социальных отношений. Лофт «выстраивает некий код пространства» [2, с. 31], который проявляется в системе, где эстетическая роль предмета не является исчерпывающей. Физические объекты города создают функциональную среду жизни отдельного человека, сообществ, различного рода экономических и политических акторов [3]. Нам открывается перспектива не только видения того, как «социальное» и «экономическое» производят сферу культуры, но и обратного влияния — как культура формирует социальные и экономические отношения.

Лофт как инструмент пересборки современного города

На примере лофта проявляется свойство динамической геометрии урбанистического пространства. Этот термин введен М.Кастельсом для объяснения социальных явлений [4, с. 310], и вполне допустимо использовать его для анализа пространства города и объяснения связи «визуальных, паноптических и теоретических конструкций» [5, с. 219], описывающих смысл урбанистических объектов и практик. Лофт как пример динамичной геометрии города отражает отношения культурных значений, социальных смыслов, рынка недвижимости и рынка труда, денежных и информационных потоков. Явление лофта привлекло к себе внимание западноевропейских и американских исследователей еще в 70-х годах XX в. Класси-

ческой работой по этой теме стала книга Ш. Зукин «Loft Living: Culture and Capital in Urban Change». Социологический аспект исследования лофта демонстрирует связь трех компонентов городской жизни: рынка недвижимости, управления городским развитием (фискальный и нормативный аспекты), формирования городского общества.

Отправной точкой исследования Ш. Зукин стал анализ рентабельности фонда недвижимости в Нью-Йорке в середине XX в. Колебания цен интерпретированы как маркеры более сложных процессов деиндустриализации города, изменения социальной структуры, формирования новых эстетических предпочтений. Идея лофта получила серьезное экономическое обоснование. При этом возникают параллели с предложенной еще Г. Зимелем концепцией коммерческой рациональности городского пространства, где рынок земли (недвижимости) заставляет город трансформироваться [6].

Появление пустующих пространств в городе, по мнению Ш. Зукин, стало возможно с изменением экономики постиндустриального города. «Исход» производства привел к проблеме «пересборки» городского пространства. Решение этой проблемы лежит в трех плоскостях. Первая плоскость — привлечение новых владельцев недвижимости, сфера деятельности которых не была связана с фабричным производством. Старый фонд зданий перестроен в жилые дома. Появился новый рынок недвижимости. Это привело к «городскому возрождению» Нью-Йорка [7, p. 2].

По заключению Ш. Зукин, рынок лофта прошел два этапа. Первый этап — лофт был приспособлен для потребностей мелкого бизнеса и, как результат, художественных мастерских. Второй этап развития рынка лофта — формирование спроса на жилые лофты для представителей среднего класса, которые не имели никакого отношения к искусству. Их спрос сформировал вторую волну предложений [7, p. 6]. Таким образом, лофт начался как тенденция преобразования городского пространства, превратился в «движение» и, наконец, трансформировался в индустрию недвижимости [7, p. 12].

Жилой лофт, лофт как художественная мастерская или галерея потребовали технического и юридического оформления, что открыло вторую плоскость проблемы — управление и администрирование городского пространства. Индустрия недвижимости стала инструментом конструирования города. При этом лофт проявился как эффективный прием перенаправления инвестиций обратно в центр города и преобразование того, что символизировало депрессивный рынок недвижимости во многих городах [7, p. 13]. Конверсия производственных площадей обеспечивает значительную часть инфраструктуры для постиндустриальной городской экономики. И лофт здесь — важнейшая деталь, указывающая на связи между инвестициями и политикой в деиндустриализации [7, p. 21].

Процессы трансформации пространства Нью-Йорка 1960–1980 годов, описанные Ш. Зукин, выявили устойчивую схему пересборки постиндустриального города. Фактически без изменений она описывается С. Мортонем применительно к Лондону 2000-х. Программа предоставления доступной художественной студии, проанализированная в статье «The Promise of the Affordable Artist's Studio: Governing Creative Spaces in London» [8], стала реализацией осознанной и хорошо организованной стратегии, которую 40 лет назад стихийно разработали в Нью-Йорке. При этом цели и методы реализации программы совершенно идентичны.

Перепрофилирование фонда недвижимости и включение (вернее, резервирование пространства для) лофт-мастерских позволяет корректировать социальный состав перестроенных районов.

Крис Хамнетт в статье «City Centre Gentrification: Loft Conversions in London's City Fringe» [9] использует аналогичную схему анализа субрынка лофтов в Клеркенвелле, Лондон, чтобы показать связь городского планирования и привлечения среднего класса в районы с жилыми лофт-объектами. Лофт становится элементом джентрификации пространства и предполагает, что класс более обеспеченных людей перемещается в район, улучшает его характеристики, что приводит к росту рыночных цен на недвижимость и ренты. Джентрификация связана с вытеснением жильцов с низким уровнем доходов, как это было с районом Сохо, где рост ренты привел к уходу первой волны жителей, освоивших лофт-пространство [7, р. 4]. При этом так же, как Ш. Зукин в главе «Левит» описывает трансформацию строительных норм в Нью-Йорке, К. Хамнетт говорит о нормах землепользования, классификации и планирования, которые были приняты в Лондоне в 1990-х годах и сделали использование жилых земель более выгодным, чем промышленных или офисных.

Примечательно, что К. Хамнетт и С. Мортон вообще не рассматривают тему деиндустриализации города. Она становится настолько очевидным фактом, что в исследовании лофта в урбанистике и социологии города мы практически не встречаем отсылку к столь масштабным теоретическим конструктам, как «деиндустриализация». Прослеживается переход к методологии микроурбанистики, где важен эффект ситуативности, локального применения общих схем к частному случаю.

Третья плоскость, в которой осуществляется пересборка городского пространства постиндустриального города, — это изменение образа жизни городского жителя. Деиндустриализация города требует развития сферы обслуживания, культурной работы (cultural labor), по-новому организованного социального пространства. Ш. Зукин рассматривает деиндустриализацию как часть длинной волны экономического развития [7, р. 19], которая порождает иной тип общества. Лофт, по мнению американской исследовательницы, знаменует возрождение индивидуализма [7, р. 67] и это заслуживает отдельного исследования.

Лофт действительно создает условия для специфического сообщества, подтверждая тезис К. Деи о том, что «архитектура довольно опасное орудие» [10, с. 7]. Это жилое пространство для одиноких людей и супружеских пар без детей [7, р. 60], и вся его инфраструктура создается как результат предпочтений этих людей. Идея лофта, наверное, ярче всего демонстрирует влияние эстетических, технических, коммуникативных предпочтений на формирование специфической *men-environment paradigm*, описанной Б. Хиллером и Дж. Хансон [11].

Создание дома в фабричном здании явно противоречило доминирующим идеям «дома» и «фабрики» у среднего класса первой половины XX в. Мы видим значительный сдвиг в мировоззрении людей «эпохи лофтизации», который породил новое представление о среде семьи и работы. Эти среды пространственно не пересекались, но лофт позволил их совмещение, что привело к формированию нового представления о жизни в городе, где традиционная семья обременительна. И архитектурное пространство лофта это подчеркивает.

Городские пространства заполняются новыми символическими образами, стимулируя горожан к потреблению. Гигантский масштаб и «сырое», незавершенное

пространство лофта эстетизируются новой урбанистической культурой, а стиль жизни в лофте романтизируется, отождествляется с приключениями, атмосферой богемной жизни [7, р. 60]. Лофт из места производства превратился в предмет культурного потребления. Ш. Зукин представляет эволюцию этого процесса как переход от жизни маргиналов в заброшенной фабрике до превращения лофта в элемент буржуазной роскоши, которая по карману даже не среднему классу. Лофтизация запускает процессы формирования городского неравенства, становится основой джентрификации урбанистического пространства. И подтверждением этой мысли могут быть приведенные выше результаты исследований К. Хамнетта и С. Мортонна, где программы субсидий для лофт-студий в Лондоне становятся механизмом социальной коррекции.

Анализируя рынок недвижимости, формы его администрирования и управления, Ш. Зукин приходит к выводу о роли искусства в экономическом и социальном структурировании города. Современное искусство изменяет не только городское пространство, но и характер современной власти. Деиндустриализированный город вскрывает факт символического производства в городском пространстве, где искусство становится средством извлечения финансовых прибылей, а также осуществления контроля и властного регулирования. Так же, как художественный замысел в системе технической коммуникации Н. Кловайта, лофт использует «конститутивные эффекты технологических фреймов» [12, с. 176]. В результате мы получаем трансформированную модель повседневной жизни, социального взаимодействия и системы социального управления, которые отражает новая семиотическая модель города. При этом, как отметила Ш. Зукин в работе «Культуры городов», «нам, горожанам, хочется верить, что культура — это средство, способное смягчить грубый материализм города» [13, с. 17].

В работах Ш. Зукин наше внимание привлекла не только проблема «пульсации городского пространства», которая сводится к реструктурированию городской территории, перестройке промышленных зон, старению центра города и его смещению в новые кварталы деловой и административной активности. Ш. Зукин продемонстрировала, как модернизация и сохранение городского пространства могут быть единым процессом. При этом недооцененным остается открытие лофта как уникальной семиотической модели, в которой радикально изменены значение материальных объектов и их социальный смысл. Предметы, здания, пространства, которые ранее символизировали тяжелый ручной труд, эксплуатацию, социальный антагонизм, в новом семиотическом поле обрели значение отсылок к «старым добрым временам», управляемости общества, участию человека в процессе производства. Мы видим, как процесс гуманизации городского пространства осуществляется с помощью перекодированной семиотической модели.

Лофт-технологии гуманизации городского пространства

Лофт-объект — производственное здание, переделанное в жилое или коммерческое помещение с сохранением элементов индустриального прошлого объекта. Концепция лофта открывает важную сторону пересборки города или динамики урбанистического пространства. Кирпичные стены, металлические балки, фрагменты промышленных агрегатов и т. п. — все это маркеры понимания визуальной

системы организации пространства, где человек возвращает себе центральное место.

Искусственная незавершенность отделочных работ — это технологический фрейм, позволяющий распознать лофт как многослойное образование, отражающее коммуникации эпох, функциональных ролей, социальных и культурных значений. Мы исходим из того, что урбанистическое пространство подчинено визуальной риторике, где дизайн воспринимается как коммуникативное средство. По своей сути дизайн пространства можно определить как символическую структуру, создающую среду «быстрой коммуникации». И в этом плане лофт становится отражением семиотической дилеммы: создания сложной символической концепции или упрощенной знаковой гибридации.

Н. Кловайт отмечает, что создание символической конвенции — сложный и затратный процесс, а поскольку факторы времени и эффективности выходят на первый план, то предпочтение отдается технологической гибридации [12, с. 177]. Именно это и происходит на уровне архитектурных и дизайнерских концепций лофта. В социокультурном аспекте все гораздо сложнее. Мы сталкиваемся с процессом семиотического ламинирования, смыслового наслаивания значения объектов. Лофт стремится к нанесению нового материала поверх имеющегося основания — палимпсесту пространства [14]. Лофт — это прием визуальной коммуникации, который добавляет каналы, создавая «пути максимально сложной гибридации» [12, с. 179]. Вскрытие значений элементов этого сложного гибрида заставляет обратиться к семиотике архитектуры и урбанистического пространства.

Прежде всего следует остановиться на не совсем очевидном значении лофт-дизайна: как использование индустриального стиля способствует гуманизации урбанистического пространства? Ш. Зукин использует интересную метафору — «одомашнивание индустриальной эстетики». Шаг первый. Этот процесс основан прежде всего на временном дистанцировании от образа жизни, технологий и значений предметов, вводимых в пространство лофта. Безусловно, человек, работающий на фабрике рубежа XIX–XX вв., не будет ее идеализировать. Но речь идет о трех-четыре поколениях, которые отделяют современное общество от времени фордианской индустрии. Это признак ностальгии по ушедшей великой индустриальной эпохе. Как утверждает Ш. Зукин, «люди находят искусство в промышленных формах, когда их промышленное использование становится устаревшим» [7, р. 73], но не только поэтому.

Шаг второй. Автоматизация производства приводит к ностальгии по ручному труду, который ассоциируется с человечностью процессов производства. Механизмы и детали зданий индустриальной эпохи запечатлели присутствие человека в их создании. Клепанные балки, уложенный кирпич, витражное окно, где каждый фрагмент впаивался вручную, превратились в символ человеческого участия в процессах строительства, а инструменты и оборудование этого ручного труда стали декларацией гуманизованного пространства.

Шаг третий. Постиндустриальная эпоха сделала не только скачок, связанный с отстранением человека от производства продукта, но и изменила физические размеры предметов повседневного пользования. Новое оборудование компактнее, и поэтому возникает желание вернуться к «человеческому масштабу», что выразилось в «одомашнивании индустриальной эстетики». Привнесение деталей и меха-

низмов в интерьер, так же, как и заселение лофта, — попытка вернуться к «человеческому», т. е. созданному человеком, размеру вещей и пространства.

Шаг четвертый. Реновация промышленных зон индустриальных городов создает еще один визуальный эффект — вживание в пространство с человеческой историей, а не природной лужайкой за порогом. Это ярко продемонстрировал П. Акرويد в своей работе «Лондон: биография» [15]. Улицы и здания теряют смысл без человека, но также и человек получает себя в окружении улиц и зданий.

Семиология лофта

Новая оценка «исторической» ценности старых промышленных зданий развивалась вместе с восприятием их эстетического качества. Признание уникальности этих объектов началось как строго локальное и элитарное дело в середине XX в. и стало частью национальной культуры среднего класса начала XXI в. В то же время искусство начало участвовать в расширении государственной власти, а структуры власти закрепились в мире искусства. Лофт сегодня перестает быть частным пространством квартиры. Он выходит за рамки средства социальной коррекции районов. Это декларация социальной власти и контроля. Явление лофта неразрывно связано, как утверждает Д. Харви, с реализацией права на изменение города, «которое укоренено в повседневных практиках, независимо от того, знаем мы о его наличии или нет» [16, р. 85]. В этом ключе должны были появиться лофт-проекты деиндустриализации городского пространства, утверждающие власть нового среднего класса и отражающие роль искусства как средства социального и политического доминирования. И примером такого проекта может быть комплекс зданий галереи Тейт Модерн в Лондоне.

Трансформация здания электростанции Bankside Power Station в музей была приурочена к празднованию 2000 г. Авторами проекта стали архитекторы Жак Херцог и Пьер де Мерон. Этот архитектурный проект можно назвать реализацией идеи палимпсеста городского пространства. «Текст» электростанции смыт, а пространство заполнено новым «текстом» галереи. Сам комплекс зданий электростанции использован как грандиозный фундамент для двухэтажной стеклянной постройки, получившей название «Луч света».

У.Эко в семиологии архитектуры отмечает, что здание представляет собой «систему систем», где семиотическая модель «сводит вместе разные планы производства, соотнося системы форм с системами значений» [17, с. 282]. При этом объект имеет *первичную* — денотируемую — функцию и комплекс *вторичных* — коннотируемых — функций [17, с. 218]. Лофт-объект является идеальным примером вскрытия этих функций, поскольку сама идея лофта связана с подчеркнутым их перекодированием.

Здания галереи Тейт Модерн — объект промышленной архитектуры Лондона конца XIX в., слишком масштабный и символический, чтобы просто превратиться в кирпичную пыль. Он является носителем того, что У.Эко назвал «лексикодом», базирующимся на культурных конвенциях и культурном наследии эпохи [17, с. 221]. Лондонская электростанция, некогда символ технического прогресса, изменила свое функциональное предназначение, но сохранила свой символический статус, каковым являлась демонстрация первенства в качестве центра современного

искусства. Она одновременно играет роль архитектурной цитаты в радикально измененном городском пространстве и архитектурной доминанты, задающей общую тему лофта окружающим новостройкам.

Так закрепляется новая первичная функция объекта (в терминологии У.Эко): это уже не электростанция и не промышленный объект, а художественная галерея современного искусства. Вместе с тем лофт выступает как технология модификации вторичных функций. Вторичные функции модифицируются под влиянием обогащающих субкодов с дополнительными оттенками значений [17, с. 222]. Это наиболее глубокое преобразование функционального и символического пространства, лофт в его высочайшем значении. Так преобразования не ограничиваются акцентом на технической детали конструкции или внесением керосиновой лампы в современный интерьер. Мы идем дальше простого декорирования пространства — мы создаем пространство для чтения.

В контексте городского пространства Лондона — это цитата, отсылающая к временам британского имперского могущества, технических достижений, нового качества урбанистической культуры. Реконструкция этого объекта сегодня имеет такое же значение, но в новую эпоху и с новыми ценностными акцентами. При этом объекту не возвращается вид, который он имел в XIX в., а создается его интерпретация в стилистике XXI в. Он действительно предстает как цитата в тексте городского пространства, но при этом сам комплекс Тейт Модерн предназначен «только для чтения». Он уже не «проживается» в повседневной практике как объект инженерной инфраструктуры. Он выведен в текстуальное пространство города как отсылка к сложному символическому ряду ментального города. Этот лофт-проект подтверждает общую идею создания урбанистического пространства «через архитектуру, понимаемую не как возведение данного конкретного жилого здания, дворца, памятника, но как проект, вписанный в пространственный контекст и текстуру, — что предполагает «репрезентации», не теряющиеся в символике или воображаемом» [2, с. 56].

По словам А. Лефевра, «архитектуру можно назвать архитектурой, рассматривая каждый памятник или каждое здание с его окрестностями, его контекстами, населенным пространством и его сетями как производство этого пространства» [2, с. 127]. Архитектурный ансамбль, возникший вокруг Bankside Power Station, — своеобразная ирония по поводу четких прямых линий промышленного здания. Один из создателей проекта галереи Тейт Модерн, архитектор Жак Херцог, назвал Switch House «пирамидой в стадии распада». Это ироничное сравнение имеет ряд смысловых коннотаций с историей Британской империи, западной цивилизации и индустриального общества. Фактически это здание становится символической оценкой эпохи модерна с ее системой миропорядка, ценностей, видения будущего.

Обращает на себя внимание характер пространства вокруг Bankside Power Station. Преображенная архаичная конструкция этого материального объекта — своеобразный намек на неиспользованный потенциал цивилизации высокой механики и парового двигателя. Это один из визуальных приемов, который позволяет убедиться в правоте П. Акройда, утверждающего, что «в городе сосуществует много различных форм времени» [15, с. 21]. Лофт-объект становится демонстрацией напластованных смыслов и значений, временных наслоений и эстетических предпочтений.

Но что же кроется за этой архитектурной ностальгией по прошлому, декларацией преемственности, демонстрацией превосходства? Вспомним утверждение Д. Харви, что пространственные формы составляют основу социальных отношений [16, p. 88]. В случае с Bankside Power Station мы видим не просто сохранение пространственного объекта индустриальной эпохи, а отсылку к периоду управляемости общества, в котором индустриальная власть диктует социальные нормы. В современном случае это soft power, использующая эстетику и дизайн. Структурируя пространство деиндустриализированного Лондона, мы выделяем доминирующий объект — здание галереи современного искусства, которое утверждает градообразующую роль символического производства для современного города.

Лофт, аутентичность и экзистенциальная укорененность

Идея лофта в дизайне городского пространства — решение проблемы образцового города Ж. Бодрийяра, порождающего пустыню вокруг себя. Ж. Бодрийяр отмечает, что, желая построить современный город, мы превращаем все вокруг него в свалку, безжизненное пространство. Более того, как утверждает этот автор, «сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события» [18]. Пространство города мыслится как практическое и высокофункциональное, имеющее коммерческое значение. Наверное, поэтому сентиментальные чувства не вписываются в рационализм градостроительства.

Современный город сталкивается с проблемой предполагаемой свалки уже на стадии проектирования здания. Логика строительства «на века» ушла в прошлое вместе с большими нарративами и идеей стабильного общества, где государство ответственно за счастье граждан. Градостроительство вовлечено в процесс массового производства и потребления, на фоне которого экзистенциальные мотивы звучат как инструментальные и вторичные.

Критика экономической рациональности города — предмет анализа Г. Зиммеля, который утверждал, что «денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собою. Им обоим свойственно конкретное деловое отношение к людям и вещам, при котором нередко формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью» [6, с. 2–3]. Фрейм коммерческой целесобразности создает дегуманизированные объекты и дегуманизированные отношения, которые выражены емкой фразой: «Ничего личного — только бизнес». Такой город — монстр, лишаящий человека возможности экзистенциального укоренения, превращающий его в «офисный планктон», человека-функцию. Но вместе с дегуманизацией города происходит утрата его аутентичности и привлекательности как предмета потребления. По крайней мере, к такому выводу приходит Ш. Зуккин в работе «Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places» [19].

Город как «обезличенная денежная масса» (Г. Зиммель) принимает черты человечности в отношении вещей, элементов конструкций, зданий, которые несут на себе следы человеческих отношений. Выставляя произведения современного искусства в здании бывшей электростанции, мы обретаем активный предметный фон, породивший это искусство. Произведения дополняются критически важными нюансами восприятия мира человеческих отношений, возникших в окружении

конструкций электростанций как символа не только эпохи, но и прожитой повседневности. Стиль лофта возвращает вещам их гуманистическое ядро, своеобразие, их специфическую ценность. Лофт предстает как эстетическая репрезентация идеи исторической памяти архитектурного объекта. Сохранение элементов промышленной архитектуры и дизайна, которые становятся арт-объектами в жилом или коммерческом помещении, превращается в систему исторических, культурных и смысловых отсылок и коннотаций. Так создается эффект обжитого пространства города и представление об аутентичности городского пространства.

Лофт символизирует обжитость пространства, в котором есть стареющие здания, художественные галереи, небольшие бутики, продовольственные рынки, забавные этнические рестораны и старые семейные магазины. Именно это Ш. Зукин определяет как аутентичность городского пространства [19, р. 11]. Эти признаки означают подлинность места, в отличие от мягкой стандартизации пригородов и сити глобализированных городов. Так наше желание потреблять аутентичный опыт стало главной силой в том, чтобы сделать города более эксклюзивными. В случае лофт-дизайна предлагается возвращение утраченной ценности предмета как свидетельства человеческих отношений. И вместе с этим мы возвращаем ценность самих человеческих отношений и человека. Городское пространство создается с «установкой создания мест для людей» [10, с. 4]. Болезнь современной городской архитектуры, диагностированная К. Деем, выражается в эффекте социального и физиологического опустошения обитателей города. Стерильные ландшафты и жилые интерьеры эмоционально и физически вычеркивают присутствие человека, предвещая постгуманистический апокалипсис. Исцеление связано с созданием гуманитарной привлекательности города, которая часто не сводится только к техническому комфорту жизни. Вещь или здание «с историей» необходимы как инструмент создания качества окружения. Это то, что стимулирует «чисто субъективное» в оценке города и, как результат, реакцию принятия или отторжения, что одинаково важно при установлении жизнеспособности урбанистического пространства. Образ города возникает как понимание условий сохранения самобытности индивида в городском окружении. Вместе с этим приходит понимание того, что экзистенциальные мотивы не инструментальные и вторичные, а первостепенные и основополагающие.

Заключение

Опыт лофта дает возможность увидеть цикл развития урбанистической культуры, возвращение к проблеме роли человека в условиях деиндустриализации городского пространства. Лофт стал проявлением широкой символической конвенции, позволяющей человеку пережить экзистенциальное укоренение в урбанистическом пространстве, сопряженное с переживанием истории.

Урбанисты, социологи и экономисты первоначально воспринимают лофт как вынужденную меру по реструктуризации и сохранению рентабельности земельного фонда и недвижимости в городе. Но со временем лофтизация превращается в способ символического производства в постиндустриальном обществе. Лофт становится предметом культурного потребления, а его производство оказывается очень рентабельным. Вместе с этим продуктом городского жилищного рынка

появляется новый набор социальных и культурных ценностей, формирующий механизмы системы soft power. Дизайн городского пространства становится инструментом социального конструирования города, а сфера культуры предстает как ключевой бизнес, реструктурирующий физическое, экономическое и социальное пространства современного города.

Однако явление лофт-стиля переживает свое историческое старение. Это была реакция на урбанистические проблемы полувековой давности, которая открыла новые способы и приемы управления городом. Лофт-стиль создал сложную семиотическую модель, которая отразила главные идеи и ценности индивидуализированного общества рубежа веков. Таким образом, лофт стал проявлением пика «длинной волны» в экономическом развитии города. Он явил новые смысловые акценты урбанистической культуры и самым неожиданным образом вернул нас к идее гуманизации городского пространства.

Литература

1. Элкинс Дж. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований. Ответ на статью Мике Баль «Визуальный эссенциализм и объект визуальной культуры» // Логос. 2012. № 1 [85]. С. 250–259.
2. Лефевр А. Производство пространства. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
3. Артеменко А. П., Артеменко Я. И. Городское пространство: проблема проявления смыслов. // Вісник харківської державної академії дизайну та мистецтв. 2017. № 1. С. 128–132.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУВЭШ, 2000. 608 с.
5. Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3(34). С. 1–12.
7. Zukin S. Loft Living: Culture and Capital in Urban Change. Baltimore, MD: Johns Hopkins, 1982. 212 p.
8. Moreton S. The Promise of the Affordable Artist's Studio: Governing Creative Spaces in London // Environment and Planning A. London. 2013. Vol. 45, is. 2. P. 421–437.
9. Hamnett Ch. City Centre Gentrification: Loft Conversions in London's City Fringe // Urban Policy and Research. 2009. Vol. 27, is. 3. P. 277–287.
10. Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Ладыя, 2000. 280 с.
11. Hillier B., Hanson J. The Social Logic of Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 282 p.
12. Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном взаимодействии // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 166–180.
13. Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 419 с.
14. Артеменко А. П. Текст или палимпсест города? // Философия и культура. 2017. № 1. С. 40–46.
15. Акройд П. Лондон: биография. М.: Изд-во О. Морозовой, 2009. 896 с.
16. Harvey D. The Right to the City // Richard Scholar (ed.). Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 83–103.
17. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
18. Бодрийяр Ж. Город и ненависть. URL: www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm (дата обращения: 03.03.2018).
19. Zukin S. Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. Oxford: Oxford University Press, 2010. 294 p.

Статья поступила в редакцию 8 марта 2018 г.;
рекомендована в печать 22 мая 2018 г.

Контактная информация:

Артеменко Андрей Павлович — д-р филос. наук, проф.; prof.artemenko@mail.ru

Артеменко Ярослава Игоревна — канд. филос. наук, доц.; tcepelin@mail.ru

Humanization or technology of “soft power” in the urban space: The semiotics of loft

A. P. Artemenko, Ya. I. Artemenko

Kharkov State Academy of Culture,
4, Bursatsky Uzviz, Kharkov, 61057, Ukraine
National University of Pharmacy,
53, Pushkinskaya str., Kharkov, 61000, Ukraine

For citation: Artemenko A. P., Artemenko Ya. I. Humanization or technology of “soft power” in the urban space: The semiotics of loft. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 3, pp. 319–331. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.304> (In Russian)

The subject of the article is the study of the architectural and design style of the loft as a means of transforming the urban space. This style is analyzed from the point of view of the concept of space production as a mechanism for soft power implementing and social correction of an urban community. The evolution of the loft style from the forced reaction to the de-industrialization of urban space is traced to the creation of a complex semiotic model of urban culture. Loft design reflects the process of recombination of symbols inherent in the humanized space. The complex of buildings of the Tate Modern Gallery (London) is presented as an example of a loft object. The reconstructed building of Bankside Power Station contains a specific spatial code based on the cultural conventions of the Modern Age. This loft object demonstrates temporary layers of meanings and aesthetic preferences. The space in the city has a practical, functional and commercial significance. It is formed by a culture of mass consumption. Loft design is a solution to the problems of dehumanizing the urban environment and the model city creating a desert around described by J. Baudrillard. On the one hand, the loft becomes an aesthetic manifestation of the idea of the historical memory of an architectural object. On the other hand, the history of the loft style demonstrates the transformation of culture into a key business restructuring the physical, economic and social space of the modern city.

Keywords: loft, semiotics, urban space, deindustrialized city, humanization of urban space, soft power.

References

1. Elkins Dzh. Deviat' tipov mezhdistsiplinarnosti dlia vizual'nykh issledovani. Otvét na stat'iu Mike Bal' «Vizual'nyi essentsializm i ob'ekt vizual'noi kul'tury» [Responses to Mieke Bal's «Visual Essentialism and the Object of Visual Culture»: Nine modes of interdisciplinarity for visual studies]. *Logos*, 2012, no. 1(85), pp. 250–259. (In Russian)
2. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* [Space production]. Moscow, Streike Press, 2015. 432 p. (In Russian)
3. Artemenko A. P., Artemenko Ya. I. Gorodskoe prostranstvo: problema proiavlennia smyslov [Urban space: the problem of manifestations of meanings]. *Visnik kharkivs'kof' derzhavnoi akademii dizaynu ta mistetstv*, 2017, no. 1, pp. 128–132. (In Russian)
4. Kastel's M. *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow, GUVESH, 2000. 608 p. (In Russian)
5. Serto M. de. *Izobretenie povsdednevnosti* [Invention of everyday life]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 330 p. (In Russian)
6. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn' [Large cities and spiritual life]. *Logos*, 2002, no. 3 (34), pp. 1–12. (In Russian)
7. Zukin S. *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. Baltimore, MD, Johns Hopkins, 1982. 212 p.
8. Moreton S. The Promise of the Affordable Artist's Studio: Governing Creative Spaces in London. *Environment and Planning A*. 2013, vol. 45, is. 2, pp. 421–437.
9. Hamnett Ch. City Centre Gentrification: Loft Conversions in London's City Fringe. *Urban Policy and Research*, 2009, vol. 27, is. 3, pp. 277–287.

10. Dey K. *Mesta, gde obitaet dusha: Arkhitektura i sreda kak lechebnoe sredstvo* [Places of the soul. Architecture and the Environmental. Design as a Healing Art]. Transl. from English by V. L. Glazychev. Moscow, Lad'ia Publ., 2000. 280 p. (In Russian)
11. Hillier B., Hanson J. *The Social Logic of Space*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 282 p.
12. Klovayt N. Konstitutivnye efekty tekhnologicheskikh freimov v povsednevnom vzaimodeistvii [Constitutive Effects of Technological Frames in Everyday Interaction]. *Sotsiologiya vlasti*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 166–180. (In Russian)
13. Zukin S. *Kul'tury gorodov* [Cultures of cities]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 419 p. (In Russian)
14. Artemenko A. P. Tekst ili palimpsest goroda? [Text or palimpsest of the city?]. *Filosofia i kul'tura*, 2017, no. 1, pp. 40–46. (In Russian)
15. Akroyd P. *London: biografiia* [London: A Biography]. Moscow, Izdatel'stvo O. O. Morozovoi, 2009. 896 p. (In Russian)
16. Harvey D. The Right to the City. Richard Scholar (ed.). *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures*. Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 83–103.
17. Eko U. *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu* [The absent structure. Introduction to Semiology]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 432 p. (In Russian)
18. Baudrillard J. *Gorod i nenavist'* [City and Hatred]. Available at: www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm (accessed: 03.03.2018). (In Russian)
19. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 294 p.

Received: March 8, 2018

Accepted: May 22, 2018

Author's information:

Andrei P. Artemenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor; prof.artemenko@mail.ru
Yaroslava I. Artemenko — PhD, Associate professor; tcepelin@mail.ru